

355
С-5

31807

За нашу Советскую Родину!

ГЕРОИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Герой Советского Союза
ЮРИЙ СМИРНОВ

3558 (092)
C-50

*Гвардии полковник
С. Марасанов*

+

Герой Советского Союза
ЮРИЙ СМИРНОВ

31807

смм 426-70

Кировоградська Обласна
БІБЛІОТЕКА
І. П. КРУПЬКА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
СОЮЗА ССР
МОСКВА

1948

ЧИТАЛЬНЯ

ОТРОЧЕСТВО

О Юрии Смирнове вначале было известно очень немного. Год рождения — 1925. Родина — небольшой городок Макарьев, что на реке Унже. Боец гвардейской стрелковой дивизии. Участник знаменитого танкового прорыва.

Когда войска генерала Галицкого разгромили германскую 78-ю штурмовую дивизию, в одном из штабных немецких блиндажей был обнаружен изуродованный пыткой, распятый на кресте Юрий Смирнов. Рядом лежал его комсомольский билет и листки допроса: фашисты домогались узнать силу и направление нашего танкового удара. Юрий не выдал военной тайны.

Вначале это было буквально все, что мы знали о Юрии Смирнове. А хотелось узнать всю жизнь этого юноши, почти мальчика.

И вот постепенно из вопросов тех, кто встречался с ним в детстве, из рассказов однополчан раскрылся короткий, но славный жизненный путь советского юноши, комсомольца, бойца, верного сына своей Родины, Героя Советского Союза — Юрия Смирнова.

— Вы скакали когда-нибудь во весь опор верхом на неоседланной лошади, сидя задом наперед? — рассказывал о Юрии приятель его отца, лесного объездчика из Макарьева. — А Юра скакал. И притом — не держась руками. Поверьте, это далеко не каждому удается: на таком галопе легко разбиться насмерть,

стоит лишь на мгновение потерять самообладание, ослабить мускулы... И еще: вы переходили во время бурного паводка такую реку, как наша быстрая Унжа, прыгая со льдины на льдину? Уверен, что нет. А Юра переходил. И притом — не однажды.

Вы скажете: мальчишеское озорство? Пожалуй. Во всяком случае, так думали в нашем Макарьеве, осуждали Юру, жалели мать. Мария Федоровна частенько плакала.

А вот сейчас, когда вспоминаешь этого вихрастого непоседливого мальчонку, начинаешь думать, что, быть может, это было не только озорство, а уже с отрочества проявлявшиеся в Юре неуёмная энергия, большое упорство и воля к победе.

Но эта неуёмная энергия, это огромное упорство в достижении намеченной цели, которая в детстве выражалась в неистовой скачке на «Вороне», в бесстрашном переходе по льдинам бурной весенней Унжи, на вершинах голых столетних сосен, потом в советской школе, в советской армии получили правильное направление. И, конечно, только советское воспитание создало из Юрия патриота, бойца, героя, который мужественно вынес ужасные пытки, не нарушил присягу, не предал Родины.

Помню, как однажды он скакал со льдины на льдину, перебираясь через реку: ушанка на затылке, непокорные вихры, громадные отцовские валенки.

У меня сердце остановилось: оборвется — конец. Ведь не вытащишь, не спасешь...

Юра прыгнул на берег. Ну, думаю, отдеру его сейчас за уши так, что до свадьбы не заживет! А он в пляс неожиданно пустился. Такие колена выкидывает, что не разберешь, где руки, где валенки. А главное — глаза: искрятся, сияют, полны гордости — победил, дескать! И понял я тогда на берегу причину его озорства.

Природа наделила его неуёмной энергией. Ей тесно, она рвется наружу. Пока никто не показывает ей настоящего выхода. Ну, она и перехлестывает через край вот этой бешеной скачкой, прыганьем по льдинам — одним словом никчемным озорством. И страшно мне стало вначале за парня.

Страшно потому, что ведь если не найдет он правильного приложения своей энергии — свихнуться может мальчонка. И так свихнуться, что не поправишь: видал я таких загубленных людей в дни моей молодости, в старом купеческом Нижнем. Но тут же понял я, что сейчас страшиться нечего: не то время теперь, не те люди, чтобы пустить человека по неверному пути.

Дня через два захожу к Смирновым. Мать в слезах: приходил учитель из школы, жаловался, что, дескать, Юра пропускает занятия, уроки не учит, шалит. Спрашивали его не раз:

— В чем дело?

А он одно твердит:

— Скучно.

Вот тут-то и мелькнула у меня мысль...

Надо вам сказать, что у нас в Макарьеве есть старое ремесленное училище — славное училище: много стоящих людей выпустило оно в жизнь.

Сели обедать. Я исподволь, будто с одной Марией Федоровной беседую, а Юры даже и в помине нет, начинаю рассказывать о питомцах нашего ремесленного — о директорах заводов, руководителях научных институтов, знаменитых инженерах; о том, какая большая работа им поручена, о славе их, что гремит по всей стране от Балтики до Тихого океана, и о том, что гордятся ими народ, партия, Сталин.

Вижу — глаза у Юры разгорелись. Слова боится проронить — даже есть позабыл.

После обеда говорю ему:

— А как ты, Юра, насчет ремесленного? Хотел бы поступить?

Мальчик прямо рванулся ко мне, глаза сияют:

— Хочу... Очень...

Должен сказать, нелегко мне было уговорить мать: никак не могла Мария Федоровна сразу понять, что не из-за лени плохо учился сын в школе, а потому, что ему хотелось сразу, с первого же дня мастерить, строить, творить. Неуёмная энергия требует выхода, руки зудят от нетерпения.

Мария Федоровна все же согласилась, и Юра поступил в ремесленное.

Вначале Юру поставили к станку, на котором производилась черновая обдирка деталей. За станком стоял старый мастер.

Первые часы мастер работал и объяснял. Юра смотрел и слушал. Он видел только руки мастера и резец станка. Он слышал только голос мастера. Все остальное — вся широкая жизнь мастерской проходила мимо его сознания.

Сначала Юра боялся, что никогда не уловит смысла и последовательности движений. Но к обеду они стали для него понятны, ясны, оправданы — так во всяком случае ему казалось. И после перерыва он вызвался сам пустить станок. Старый мастер улыбнулся, но не отказал.

Обедать Юра не пошел — он волновался. Но когда мастер разрешил ему приступить к работе, Юра сразу успокоился. Не спеша он повторил движения своего учителя. Он был уверен, что делает то же в то же так же, как десятки раз делал перед ним мастер. Но, очевидно, глаза молодого ученика еще не научились контролировать руки, а руки не умели мгновенно слушаться приказаний глаз. И получилось коряво.

Это ошеломило Юру. Почему? Ведь до сих пор все давалось ему легко. Даже то, перед чем отступали другие.

Нет, не может быть! Это просто случайность.

Юра попробовал еще раз: тот же результат. Третий раз — и снова неудача.

Юра сам сознался мне потом, что первые дни ему было мучительно стыдно. Хотелось бросить все, уйти из училища.

Он был упорен, этот мальчик. Каждый день прибавлял что-нибудь новое к его теоретическим знаниям, к его практическим навыкам. Теперь он уже твердо знал, что мало одного желания. Нужно еще меньше. И он добился этого уменьшения: Юра одним из первых окончил ремесленное училище.

Мне кажется: это твердое сознание, что, кроме упорства и воли, в жизни нужно меньше и способность овладеть этим уменьшением было второй победой в жизни Юры — вторым краеугольным камнем, который лег в основу его будущего подвига.

После окончания ремесленного училища Юра работал на заводе в городе Горьком. Часто писал матери, она осталась одна в Макарьеве с двумя сестренками. Отец Юры был на фронте. И, конечно, Юра стремился в армию.

В сентябре 1942 года почтальон принес Марии Федоровне открытку. В ней коротко сообщалось, что Василий Аверьянович Смирнов пал смертью героя в боях под Сталинградом.

Через несколько дней в родной Макарьев приехал Юра.

— Ухожу в армию, мама. Бить немцев. Мстить за отца.

На этом закончил свой рассказ старый друг отца Юрия. На этом, пожалуй, и закончилось отрочество Юрия Смирнова и наступила более зрелая пора его жизни — юность.

РОЖДЕНИЕ СОЛДАТА

Глубокой осенью 1943 года Юрий Смирнов пришел в одну из запасных частей Московского военного округа, а когда снег уже запорошил землю, молодой солдат прибыл в часть Действующей армии и был зачислен в роту автоматчиков.

Начались зимние ученья.

Трудно в снежную вьюгу на стрельбище, когда холодный ветер обжигает лицо, руки деревенеют даже в теплых меховых перчатках и глаза слезятся от яркой белизны снега, залитого солнцем. Нелегко часами лежать в снежном сугробе, когда все тело мерзнет, становится каким-то чужим, неуправляемым, — и вдруг мгновенно вскочить и броситься в штыки на «противника». И очень тяжелым кажется, с непривычки, это суровое непреложное расписание дня, когда каждая минута на учете, каждый час заполнен доотказа.

Но скоро этот суровый распорядок дня стал для Юры понятным, естественным, логичным. Он вошел в его плоть и кровь, и родил важнейшее качество солдата — воинскую дисциплину. И Юра неожиданно для самого себя вдруг открыл, что здесь он живет настоящей жизнью — интересной, яркой и до края переполненной нужным, живым делом.

Юра был уверен: тут, на заснеженных учебных полях, не могут повториться неудачи первых дней обучения в ремесленном училище.

Теперь по собственному опыту он твердо знал: нужно уметь. И дается это уметь нелегко — упорным, настойчивым каждодневным трудом.

Там, в родном Макарьево, Юра победил станок. Юра победил тогда потому, что был упорен: потому, что в нем жила хорошая, благородная гордость советского человека, не позволяющая ему плестись в хвосте; потому, что руководил им опытный старый мастер.

В армии Юра обучился мастерски владеть своим оружием, автоматом. Но теперь у него был опыт. Из мастерской ремесленного училища он принес любовь к механизму, уметь ухаживать за ним внимательно, ежедневно. И здесь, в армии, у него оказался такой же взыскательный, мудрый и опытный наставник, как и в родном Макарьево.

Это был товарищ по роте, пожилой сибиряк, старый коммунист, Семен Карозин. Он прожил большую и трудную жизнь, сражался с немцами в первую мировую войну, много видел и много знал. И он привязался к этому горячему, упорному девятнадцатилетнему юноше. Быть может, потому, что чем-то неуловимым Юра напоминал его единственного сына, погибшего в первые дни войны.

Юра полюбил свое оружие горячей, страстной любовью. Все свободное время он отдавал автомату: смазывал, протирал, холил.

Однажды после учебной стрельбы, когда мишень Юры оказалась лучшей, командир роты перед строем объявил ему благодарность.

Юра сиял. Это была первая благодарность, объявленная ему в армии.

Гордость переполняла сердце Юрия. Ему казалось: теперь он все может, все осилит — стоит только захотеть. И в нем снова родилось то чувство легкой, беспочвенной уверенности в своих силах, которое так жестоко покарало его в Макарьево в первые дни знакомства со станком.

Юре захотелось немедленно, сейчас же поделиться своей радостью с кем-то любимым и близким. И Юрий бросился искать Карозина.

Он нашел его на опушке леса.

— Дядя Сеня! — голосом, прерывающимся от счастья и быстрого бега, заговорил Юра. — Слышал? Теперь от меня ни один фриц не уйдет.

— Цыплят по осени считают, а солдата — по первому бою, — холодно перебил его дядя Сеня. — Ты думаешь: стрельбище — бой, мишень — фашист? Нет, я тебя под пулями посмотрю, когда смерть за тобой охотится, и тогда скажу, кто ты есть. Да что там — оно и сейчас видно.

Карозин поднялся и, смотря в упор на Юру, раздельно и жестко сказал:

— Где оружие?

Юрий обомлел: его автомат лежал в снегу. Очевидно, подбегая к Карозину, весь, до краев, переполненный счастьем, он не заметил, как уронил автомат в сугроб.

Жгучий стыд, несравнимо более острый, чем тогда, в училище, мгновенно потушил и счастье и гордость.

— Дядя Сеня... я сейчас... почищу... — начал было оправдываться Юрий. Но, увидев глаза дяди Сени, осекся. Он понял: оправдываться — бессмысленно, нелепо, глупо.

— Эх ты... воин! — усмехнулся Карозин.

Через несколько дней полку, в котором служил Юрий, предстояло быстро совершить большой переход.

Вначале шли лесом. Было морозное зимнее утро. Ярко светило солнце.

К полудню полк вышел из леса. И здесь неожиданно-негаданно с востока приползла темнолиловая туча; края ее дымились пушистыми белыми облаками. И началась пурга — такая, какой Юра никогда не видел.

Казалось, вокруг не было ни земли, ни неба, ни воздуха — один обезумевший снежный вихрь. Снег бил в лицо, мешал дышать. Ноги выше колен вязли в сугробах.

Юре было невыносимо тяжело. Ноги не слушались. Ныло все тело. Но он шел все вперед и вперед, стараясь не отставать от товарищей.

Оступившись, Юра упал в сугроб. Он лежал в пушистом мягком снегу. Приятная истома наполнила тело. Вот так бы лежать долго, не шевелясь, закрыв глаза...

Над ним наклонилось заиндевшее, запорошенное снегом лицо дяди Сени. Сильные руки подняли Юрия. И снова он шел сквозь этот снежный вихрь, спотыкался, с трудом перебирался через сугробы, падал сам и поднимал других. И тут невольно у него мелькнула мысль (он поведал ее потом дяде Сене): будь он один, никогда бы, ни за что не пройти ему сквозь эту снежную выюгу — не хватило бы ни воли, ни сил. Но почему же сейчас он идет? Ну, конечно, потому, что он с друзьями, что локтем своим он чувствует локоть товарища.

Наступила ночь. Вьюга бушевала попрежнему. Солдаты лежали в снегу: проходили последние — самые желанные и самые короткие — минуты привала.

Юра был уверен: теперь не подняться ни ему, ни соседям. Нет больше сил, нет воли перебороть усталость.

Неожиданно, хотя ее и ждали каждую секунду, прозвучала резкая, властная команда:

— Становись!

И Юра все же поднялся; с ним вместе поднялись его друзья. И снова полк шел в снежном морозном вихре, карабкался по крутым обледеневшим склонам оврагов, тонул в глубоких сугробах — и неизменно шел вперед.

И тут Юра вдруг понял: будь он с ребятами из училища, не подняться бы им на этом привале, как несколько минут назад поднялся полк. Потому, что полк — не случайное собрание людей. Это единый напряженный, как сжатая пружина, коллектив из сотен человеческих волей, признающий лишь одну волю — волю командира. И нет препятствий, которых не могла бы перебороть эта всеокрушающая воля единого сплоченного воинского коллектива. И в то же время он понимал: каждый из сотен людей, что составляют этот коллектив, в любой момент может быстро и смело проявить свою собственную волю, принять свое собственное решение, если оно не нарушает единой непререкаемой воли командира. И неожиданно для самого себя Юра принял это решение.

Полк снова лежал в снегу, на привале, перед последним броском. На этот раз люди измотались до предела. Это отчетливо чувствовал Юра. Очевидно, это чувствовал и командир: он стоял рядом с Юрой и тревожно, внимательно вглядывался в лица бойцов. Поднимутся ли на этот раз?

Юра перехватил его взгляд и вдруг сразу, даже не совсем отдавая себе отчет в том, что делает, сбросил на снег шинель и пустился в пляс. Он плясал так же горячо, как когда-то в Макарьеве, перейдя по плывущим льдинам свою родную Унжу.

И он добился своего.

Один за другим поднимали головы товарищи. Глаза загорались улыбкой. Кто-то ударил в ладоши — кажется, Карозин. К нему присоединились соседи. И через минуту посторонний наблюдатель никогда бы не поверил, что здесь, в снегу, лежат люди, которые, казалось, выбились из сил.

— Становись!

Люди поднялись быстро, весело, бодро. И последний бросок показался им самым коротким и легким.

Так в этот тяжелый вьюжный переход молодой солдат понял всю великую, непреодолимую силу воинского коллектива.

Ранней весной Юрий Смирнов принимал воинскую присягу. Это было в густом сосновом лесу. Таял снег. Бежали ручьи. Воздух был весенний, теплый. В голубом высоком небе победно сияло солнце.

Юра волновался. Еще бы! Это был самый знаменательный день в его жизни: Юрий Смирнов, молодой солдат Советской Армии, давал великую, священную клятву народу, Родине, Сталину. И на лесной поляне звенящим от волнения голосом читал он слова воинской присяги.

«...Я... торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну...»

Присяга принята. Прозвучала команда: «Вольно, разойтись!» Юра бросился искать своего друга и учителя: так уж повелось, что обо всем большом, волнующем в своей жизни Юрий непременно должен поведать своему учителю.

Завидя Юру, старый солдат поднялся и торжественно, вытянувшись, как на параде, ждал юношу. Потом до боли крепко пожал ему руку.

— Поздравляю. Служи верой и правдой, сынок.

Голос его дрогнул. Очевидно, вспомнил он сына, погибшего под Брестом.

Весь переполненный ощущением сегодняшнего дня, взволнованный этим новым, впервые услышанным от Карозина словом «сынок», Юра прильнул к старому солдату.

— Клянусь, дядя Сеня, если потребуется — жизни своей не пожалею, на любой подвиг пойду.

Сибиряк ласково обнял Юру за плечи и, глядя ему в глаза, сказал медленно, будто хотел, чтобы каждое слово его дошло до сердца:

— Жизнью своей дорожи, Юрий: она нужна и тебе и народу твоему. Ну, а уж если придется умирать — умри так, чтобы даже смертью своей вырвать у врага победу... Вот ты сказал — подвиг. А знаешь ли ты, что такое подвиг? Он не всегда бывает таким сияющим, ярким, как сегодняшнее солнце. Чаще он прост и суров — тяжелый труд изо дня в день, из минуты в минуту, муки без крика, боль без стонов...

— Товарищ Смирнов!

Это подошел к ним комсорт батальона, старшина Шмырев. Он давно приглядывался к молодому солдату и сейчас решил поговорить с Юрой о вступлении в комсомол.

Юра вспыхнул от радости: он сам мечтал о комсомоле, но все как-то не решался заговорить об этом.

— Ну, как же, Смирнов?

Юра невольно взглянул на учителя. Глаза старого солдата были суровые, требовательные. И вдруг Юре вспомнились стрельбище, лесная опушка, автомат, брошенный в снег, и жесткие справедливые слова:

«Я тебя под пулями посмотрю и тогда скажу, кто ты есть...»

— Нет, товарищ старшина, сейчас рано. Я еще в бою не был. Погляжу, каков я солдат на деле, и тогда решу.

Полк шел на фронт. Фронт двигался на запад. Советская Армия наступала.

Все чаще на пути попадались разоренные, выжженные

немцами деревни, под корень срубленные фруктовые деревья, столбы виселиц, глаза одиноких женщин, полные слез и горя по убитым, замученным, угнанным в неволю. И каплей по капле сердце Юры наполнялось ненавистью.

— С тех пор Юра потемнел, — рассказывал потом Карозин. — Вы когда-нибудь наблюдали, как гемнеет человек? Будто какая-то серая пленка покрывает лицо. Особенно глаза... Весельчак, запевала, шутник, Юра временами становился мрачным, молчаливым, уходил в себя. Я знал, что творилось у него на душе, и не трогал его. Это ненависть причиняла ему боль. И я был рад этой боли: чем острее будет болеть его сердце ненавистью, думал я, тем лучше он будет драться. Потому что для этой войны мало упорства, воли, умения. Нужна еще ненависть — злая ненависть к врагу. Только тогда придет победа.

Так озорной мальчишка из Макарьева постепенно становился солдатом.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Темной ночью полк выходит, наконец, на передовую и занимает исходный рубеж. На рассвете назначена атака.

Юра лежит в окопе рядом с Семеном Карозиним. Тишина.

И вдруг в воздухе раздается рев моторов. Он все ближе, ближе, он пронесется над головой — и над немецкими окопами визг бомб, грохот, столбы взметнувшейся земли.

Юра не находит себе места. Скорей бы рассвет, скорей бы в атаку, в бой — в его первый бой!

В воздухе снова воют моторы. Идет новая волна наших бомбардировщиков. И еще не успевает замереть шум моторов, как воздух снова гудит: это третий эшелон наших бомбардировщиков идет на бомбежку.

С визгом легат десятки бомб, рвутся, взметают землю. И в вспышках непрекращающихся взрывов отчетливо, ясно, как на ладони, видна линия немецких укреплений: две крупные высоты, а между ними — маленький холмик.

И — странное дело: на обе высоты густо ложатся снаряды, а холмик — тот самый проклятый холмик, через который проходит путь наступления юриной роты, — стоит нерушимо, как заколдованный.

— Ну что им стоит хотя бы одну бомбу! Одну единственную! — взволнованно шепчет Юра.

Волнуется не только Юра. Командир роты Зеленюк звонит комбату. Тот обещает связаться со станцией наведения и приказывает ракетой указать холмик очередному эшелону наших самолетов.

Наступает длительный перерыв в бомбежке. После грохота взрывов тишина кажется какой-то особенной — такую тишину слышишь.

В траншею входит командир роты.

— Товарищи! Надо подползти к холмику как можно ближе и ракетой дать сигнал нашим самолетам. Кто пойдёт?

Юра бросается вперед. Но секундой раньше раздается голос его соседа, Петра Прошина:

— Разрешите мне, товарищ старший лейтенант!

Через несколько минут Прошин, перевалившись через бруствер, исчезает в темноте.

Тишина. Нервы у всех напряжены. Доползет ли?

Из немецких окопов раздается выстрел. За ним — автоматная очередь... Еще... Еще... И опять тишина.

Неужели заметили?.. Не дошел, значит... А может быть?..

Время тянется бесконечно медленно.

И вот, наконец, в воздухе возникает чуть слышный гул. Он ширится, нарастает. Они уже над головой — наши самолеты!

Проходят секунды, длинные, как часы. Флагманский корабль должен быть уже там, над немецкими высотами.

Ракеты нет. Погиб Прошин. Конец...

А самолеты все гудят и гудят.

Почему же они не бомбят? Или на этот раз ушли в глубокий тыл?

Неожиданно, разрывая темноту, в небо взвивается красная ракета. И не успевает еще погаснуть ее мерцающий свет, как земля вздрагивает от невыносимого грохота: это тяжелые фугаски рвутся на вершине холмика.

— Жив Прошин! Жив! — кричит Юра.

А там, впереди, маленький холмик — в огненном венце, и воздух над ним звенит и грохочет.

Снова наступает тишина.

На востоке чуть белеет горизонт. Сейчас вспыхнет зеленая ракета — сигнал атаки.

Ломая напряженную тишину, в седом предутреннем тумане гремит залп гвардейских минометов. За ними грохочет наша артиллерия. Земля и воздух над холмиком доотказа полны грохотом, воем мин, скрежетом металла.

Неужели что-нибудь живое может остаться после такого огненного вала?

— Всем фрицам капут. Ничего нам не оставили, — разочарованно говорит Юра.

— На твой век хватит, — сурово отвечает дядя Сеня.

Старый солдат по опыту знает: где-то в дотах и блиндажах, в лисьих норах и бронированных колпаках притаился враг, и многим придется умереть, чтобы вышвырнуть его вон...

Ракета!

Рота Зеленюка идет на штурм. Юра вырывается вперед.

И вдруг, казалось бы, мертвый холм оживает: с резким, пронзительным воем рвутся мины, неумолчно бьет пулемет.

В первом порыве атаки Юра ничего не замечает. Только бы скорей добежать до немецких окопов, только бы лицом к лицу встретиться с врагом!

Резкий рывок бросает Юру на землю. Это дядя Сеня дернул его за руку и упал рядом с ним.

Юра оглядывается. Атака захлебнулась: товарищи лежат там, где их бросил на землю губительный огонь.

А пули все свистят и свистят над головой. Где-то, совсем рядом, раздается пронзительный предсмертный крик и резко обрывается на высокой ноте. Это умирает Ваня Щеглов.

Еще стон... Еще...

А пули все жужжат, будто тяжелой стальной плитой прижимая людей к земле. И Юра чувствует, как холодные мурашки ползут по спине и мерзкое липкое чувство страха заполняет сердце. Хочется как можно

плотнее прижаться к земле, хочется стать маленьким червячком, заползти в щель и сидеть там.

Мучительный стыд обжигает сердце. Неужели он трус?

Юра смотрит на Карозина: старый солдат, положив автомат на бугорок, спокойно бьет по холмику.

Юра пытается сделать то же, но руки позорно дрожат. Громадным напряжением воли он заставляет себя, наконец, унять эту дрожь.

Старший лейтенант Зеленюк с трудом собирает роту. Через полтора часа предстоит новая атака. Но за это время надо во что бы то ни стало обнаружить проклятый немецкий пулемет — иначе немцы снова прижмут роту к земле.

Зеленюк спрашивает у старого солдата, кого послать в разведку.

Дядя Сеня указывает на Юру...

— Вам это кажется странным? — говорил потом дядя Сеня. — Да, я любил его, как сына. И все-таки сам послал на смерть. Непонятно? Попробую объяснить.

Должен сказать, я прекрасно видел, как вел себя Юра во время атаки: как дрожали его руки, как в глазах стоял страх, как он боролся с этим страхом.

Вы скажете, что Юра оказался трусом?

Нет! Это был страх первого боя, страх еще не обстрелянного бойца. Юрий должен был перебороть этот страх. И мне хотелось, чтобы это произошло как можно скорее, и чтобы Юрий победил без свидетелей. Я был уверен в нем.

Ну так вот я и решил, что Юра должен победить свой страх, победить именно сейчас. Потому, что каждая минута оттяжки грозит ему смертью, — ведь трус всегда погибает первым, — и главное — позорной смертью. А я слишком любил мальчика, чтобы допустить его до позора.

Одним словом, Юра ушел в разведку, ушел с блестящими, радостными, сияющими глазами.

Он никогда подробно не рассказывал мне, как полз к этому холмику, как обнаружил немецкий пулемет и вернулся обратно. Он только однажды обмолвился: когда немцы заметили его у старого пня и открыли огонь, Юре снова захотелось врасти в землю. Ему каза-

лось: тело налито свинцом и нет сил шевельнуться. Но на этот раз борьба со страхом длилась секунды: Юра сумел, заставил себя оторваться от земли. Больше того — он обманул врага: оставив свою каску на пне, скатился в овражек.

Теперь я твердо знаю: там, у старого пня, Юра победил страх, победил всерьез. За это я могу ручаться: я видел его в тот же день в бою, и он вел себя так, как должен вести себя настоящий боец нашей армии.

И еще я вам должен сказать, сказать с гордостью, потому что здесь есть и доля моего труда: в тот же день, в день своего боевого крещения, он постиг великое и сложное умение вести бой — управлять своим сердцем, нервами, страстью, выделять основное, драться зло, напористо и в то же время иметь холодную ясную голову. Так быстро это дается далеко не каждому. Да, настоящим солдатом стал в тот день мой мальчик.

Вот что рассказал Карозин о победе Юры над страхом. Дальше события развивались так.

Юра докладывает Зеленюку о расположении пулемета. Зеленюк звонит на батарею. Первые же три снаряда уничтожают пулемет. И рота второй раз поднимается в штыки.

Первая линия траншей взята с хода. Юра первым врывается в окоп. И первым, рядом с Зеленюком и Карозиным, поднимается из окопа преследовать отступающих немцев.

Юра уже на вершине холма. Но тут он замечает: за ним следуют немногие — большинство молодых солдат замешкалось в захваченной траншее.

Как молния, мелькает мысль: первая траншея — ловушка, немцы пристрелялись к ней, сейчас они откроют огонь. Ведь только вчера говорил об этом дядя Сеня.

И будто в подтверждение этого над головой воет мина и разрывается в траншее. За ней вторая, третья...

Юре сверху отчетливо видно, как мечутся бойцы, как некоторые из них пятятся назад.

Раздумывать некогда. Юра бросается вниз — туда, в окоп, где рвутся мины.

— Товарищи! Вперед! Здесь смерть!

Один за другим бойцы подбегают к Юре.

— Вперед! — кричит Юра.

31807

Бойцы уже переваливают через гребень холма. А Юра все продолжает сзывать товарищей:

— Ко мне, друзья! Вперед!

Уже последний боец выскочил из траншеи. Теперь туда — в бой!

И вот тут-то осколок мины ударяет в лицо.

Юра падает. Кружится голова. Во рту кровь.

В голове мелькает: «Ранен? В первом же бою? Значит — в тыл, в госпиталь? Нет, быть того не может!»

Юра поднимается и, зажимая рукавом шинели кровоточащий рот, бежит вперед.

Он на гребне холма. Он уже спускается вниз. Там, в овраге, идет бой. Вот дядя Сеня. Вот Зеленюк.

Перед глазами появляются какие-то красные круги. Юра теряет сознание.

ТАНКОВЫЙ ДЕСАНТ

Первые дни в полевом госпитале Юра не находил себе места. Он негодовал:

— Товарищи сражаются, а я в госпитале валяюсь.

И рана-то пустяжная — зубы выбили! В первом же бою... Вояка, нечего сказать!

Ночью он долго не мог уснуть и снова — в который уже раз — в мельчайших деталях вспоминал свой первый бой.

Поднялись в атаку... Нет, здесь он поступил правильно: он был один из первых. Ворвался в окоп... И тут как будто не плохо: с хода заколол фрица, хорошо швырнул гранату — одним словом дрался в полную силу. Потом вместе с командиром и дядей Сеней выскочил из окопа преследовать немцев... И здесь как будто менять нечего. Взобрался на горушку, оглянулся, увидел товарищей в окопе... Вот тут надо подумать. Как здесь следовало поступить? Может быть, итти вперед, только вперед, не оглядываясь, не думая? А товарищи? Ведь он же знал — немцы накроют их огнем. Неужели оставить на смерть?.. Нет, так советский боец не поступает. Значит, и здесь правильно? Значит, если бы представился ему такой невероятный случай — снова пережить свой первый бой, — он ничего не изменил бы в нем. Ничего.

Тяжело было лежать в госпитале, когда там в боях дрались товарищи. Как хотелось быть вместе с ними!

Юра лежал на койке сумрачный, молчаливый. И как-то даже не доходило до сознания, что изуродовано лицо, выбиты зубы, исковеркана верхняя челюсть.

На третье утро он проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо. Открыл глаза и опешил: перед ним стоял командир его отделения Михаил Степанов; рука его была забинтована.

— Юрка! Вот так встреча! — весело гремел Степанов. — Наши ребята будто знали. «Увидишь Юру — наказывали — пожми ему руку от нас. Крепко пожми». Ну, давай лапу, товарищ!

— Руку пожать? За что же? За то, что в первом бою бросил их?

— Как бросил? — недоумевал Степанов. — Ведь ты кровью своей спас товарищей. Солдатскую клятву выполнил.

Весь день проговорил Юра со своим командиром отделения. Он хотел знать все: как кончился бой за горушку, как развивалось наступление, кто ранен, кого нет в живых. Снова и снова, внутренне стыдясь своей настойчивости, он наводил разговор на то, что говорят о нем в части.

Нет, это не было простым любопытством. Он не напращивался на похвалу. Он просто хотел еще и еще раз проверить себя, еще раз увериться в том, что он поступил честно — так, как должен был поступить настоящий солдат.

К вечеру Юра успокоился. Теперь он твердо знал: его первый бой прошел хорошо. На сердце было легко, и он начал писать письмо.

«Милая мама!

Пишу из госпиталя. Не пугайся, родная. Попал сюда из-за пустяка. В бою как-то шальным осколком мины я был ранен в верхнюю челюсть. Верь мне — ранение легкое. Скоро вылечусь и снова на фронт. В госпитале тоскливо. Хочется быть среди боевых друзей. Скорее бы попасть в свою боевую часть — она теперь мой второй дом. Мама, ты за меня не тревожься, я служу хорошо, выполняю все приказы.

Твой Юра»

Рана заживала быстро. Но время тянулось мучительно медленно. И снова, как в первые дни, помрачнел Юра: хотелось скорей попасть в часть, увидеть друзей, вместе с ними идти в бой.

А тут еще письма начали приходить. Писал Зеленюк, писал дядя Сенья. Сообщали о том, что помнят его, ждут обратно. Между строк чувствовалось: ожидаются какие-то большие события. Мимо окон госпиталя громы-хали танки, проходила артиллерия.

Юра понял: готовится наступление. Неужели он будет валяться на койке, когда его товарищи пойдут в бой?

Как-то в обед пришло письмо от Петра Прошина: в ту памятную ночь, когда его красная ракета указала цель нашим самолетам, он чудом остался жив и добрался к своим.

Письмо было длинное и страшное:

«... По дорогам войны мы прошли немалый путь. Мы видели развалины городов и пламя пожара, который пожирал наши родные села. Дым выел наши глаза. Сердце, которое столько пережило и выстрадало, перестало удивляться зверствам врага. Но сегодня оно вновь обливалось кровью. Если бы ты видел, что произошло в Городке!..

Одного из жителей Городка, заподозренного в связи с партизанами, немцы раздели догола, вывели на улицу и поставили в огромный чан с водой. Был сильный мороз. Вода в чане через несколько часов замерзла. Замерз и человек...

Скорее выздоравливай, наш боевой товарищ. Скорей! Ждем тебя.

Твой Петр Прошин».

Прочитав письмо, Юра немедленно отправился к главному хирургу. Он встретил его в коридоре.

— Что с вами, юноша? — встревоженно спросил доктор, увидев его посеревшее лицо и неестественно блестящие глаза. — Вам плохо?

Юра молча протянул письмо.

Доктор прочел один раз, прочел второй. Потом внимательно посмотрел на Юру.

— Понимаю, вы хотите на фронт?

— Если можно, сегодня, доктор.

— Нет, не могу, рана не зажила, зубы не вставлены.

— Я здоров. А зубы перед дракой не вставляют.

— Вы положите у меня по крайней мере неделю.

— Не могу, доктор. Никак не могу. Рота ждет.

— Не смейте и думать. Отпущу через неделю, не раньше. Всё. Отправляйтесь в палату, товарищ.

Поздно вечером Юра убежал из госпиталя. Его задержали на окраине.

Главный хирург вызвал его в кабинет. Они проговорили добрый час.

Юра никому не рассказал об этой беседе, но терпеливо пролежал неделю. Когда его, наконец, выписали, он зашел к главному хирургу и крепко пожал ему руку.

— Спасибо, доктор. Большое спасибо...

В роте Юрия первым встретил комсорг батальона старшина Шмырев. Он заговорил с ним, так как будто виделся с Юрой вчера, будто только что отгремели залпы того памятного первого боя.

— Бой прошел, Смирнов. Ты решил?

Юра смело взглянул в глаза Шмырева и твердо ответил:

— Да, бой прошел. И я решил, товарищ комсорг.

В тот же день Юра подал заявление с просьбой принять его в члены Ленинского комсомола.

И снова началась боевая жизнь — интересная, яркая, напряженная.

День и ночь гвардейцы генерала Галицкого готовились к прорыву немецких укреплений севернее Орши. Они учились вести бой внутри вражеской обороны, преодолевать минные поля, проволочные заграждения, блокировать доты, врываться в окопы, быстро проходить линии траншей, с одного броска достигать вражеских артиллерийских позиций.

Но особенно увлекла Юру тренировка в танковых десантах.

Темной ночью, не зажигая фар, танки с группами автоматчиков на полной скорости прорывались внутрь обороны «противника». В кромешной тьме они мчались по полю, усеянному воронками от взрывов, преодолевали овраги и рвы, проходили через проволочные заграждения и траншеи. Где-то в глубине обороны «против-

ника» по команде «Прыгай» автоматчики соскакивали на землю, врывались в землянки и блиндажи, рвали телефонные провода, громили радиостанции.

И всякий раз, когда, прильнув к танковой броне, Юра слышал свист ветра в ушах, когда на крутых поворотах машины так резко кренило, что, казалось, не удержаться на скользком металле, Юра с благодарностью вспоминал «Ворона».

В ту пору бурная боевая жизнь была полна для него радостных, волнующих переживаний.

Однажды после ночного учения комсомольское собрание батальона приняло его в члены Ленинского комсомола. На собрании говорили о Юре как о солдате, доказавшем в бою преданность Родине, партии, Сталину.

Через несколько дней Юре был вручен комсомольский билет. А на следующий день в торжественной обстановке, под развернутым знаменем полка, Юрий вместе с другими молодыми солдатами дал гвардейскую клятву и приколот к своей груди гвардейский знак.

Вечером он писал письмо:

«Милая мама!

Я уже писал тебе, что вступаю в члены Ленинского комсомола. И вот мне вручили билет. Это большой документ, мама. Я его ношу в грудном кармане, около сердца. На правой стороне груди у меня знак советского гвардейца. Верь, мама, я не посрамлю чести своей семьи, своего города, своей Родины. Малодушием и трусостью я не запятнаю высокого звания комсомольца-гвардейца.

Обо мне не беспокойся. Я нахожусь на отдыхе за тридцать километров от передовой. Чувствую себя хорошо, настроение бодрое...»

Юра уже складывал письмо, когда над ним наклонился дядя Сеня.

— Письмо матери? Можно?

— Конечно.

Старый солдат внимательно прочел небольшой, размашистым почерком исписанный листок.

— На отдыхе, говоришь? — с трудом сдерживая улыбку, сурово спросил дядя Сеня. — Где ты этот отдых нашел? Зачем матери врешь?

— Так ведь нельзя же, — начал было оправдываться Юра. — Военная тайна...

— Да я шучу. Правильно. Мало ли кому письмо может попасть. Пусть думают — отдых. Так вернее. К тому же и матери спокойнее.

Потом дядя Сеня долго говорил с Юрой о чем-то постороннем. И только, прощаясь с ним, неожиданно обнял его за плечи и ласково сказал:

— Хороший из тебя растет солдат, сынок.

Юра сложил письмо треугольником и надписал адрес. Это было последнее письмо, написанное им...

Вечером полк получил приказ выйти на исходный рубеж для атаки.

Прикрываясь темнотой ночи, Зеленук вел роту по оврагам, кустам, лощинам — к передовой.

К полуночи над лесом поднялась луна. В призрачно освещенном кустарнике слышались неясные шорохи. По дорогам и тропам тихо, почти беззвучно, с темными фарами нескончаемой вереницей двигались танки, артиллерия, машины.

На расщеве гвардейцы разместились в траншеях, откуда должна была начаться атака.

В центре немецкой обороны, которую готовились прорвать гвардейцы генерала Галицкого, стояла немецкая 78-я штурмовая дивизия генерал-лейтенанта Траута. Она закрепилась на выгодных рубежах у непроходимых Осиновских болот.

Траут был в особой милости у Гитлера. Он получил от него рыцарский крест и приказ: любой ценой удерживать центральный бастион «Восточного вала» — автомагистраль Москва — Минск. Отсюда Гитлер намеревался «грозить Москве».

Фашистские газеты называли дивизию Траута «надеждой Германии». Рассказывали, будто Трауту предлагали более высокий пост, но «железный» генерал отказался.

— Пока я под Оршей — Германия спокойна.

И действительно, за время своего сидения под Оршей дивизия Траута вырыла семнадцать линий траншей, оплела всю местность паутиной колючей проволоки, минировала все подступы. Численность дивизии была доведена до семнадцати тысяч солдат. Ей придали шестна-

дцать артиллерийских полков и большое количество шестиствольных и десятиствольных минометов.

Офицеры этой дивизии похвалялись тем, что они «пленных не берут». У блиндажей и окопов висели хвастливые плакаты: «Русским вход воспрещен — здесь Траут».

И вот эту-то «прославленную» дивизию Траута и должны были разгромить гвардейцы генерала Галицкого.

Бой начался рано утром 24 июня.

Первой заговорила советская артиллерия. Огневой смерч бушевал над немецкими позициями, взметая черные фонтаны земли и дыма. Казалось, земля, небо — все полно этим непереносимым, ужасающим грохотом.

Артиллерия перенесла огонь в глубь немецкой обороны. В воздухе появились советские бомбардировщики.

И вот тогда-то двинулась гвардейская пехота.

Одна за другой поднимались роты гвардейского стрелкового полка.

— Сейчас наша очередь... Сейчас... — волновался Юра.

Но ушла последняя рота, а они все еще лежали, глубоко зарывшись в землю.

Юрию удобно было следить за ходом боя.

Гвардейцы поднялись во весь рост. Немцы встретили их губительным огнем. Пехота залегла. Теперь она продвигалась короткими, стремительными перебежками.

Юре нетерпелось.

— Вот сейчас бы ударить! Почему медлят?

Но приказа не было, и рота Зелениюка лежала в окопах.

Шли часы. Бой не замирал ни на минуту: грохотали орудия, выли мины, гудели самолеты.

Рота Зелениюка попрежнему не двигалась с места.

Юра уже потерял надежду. Закатывалось солнце. Ветер доносил едкий запах гари. Над полем медленно ползли волны черного дыма.

Карозин решил утешить своего питомца: он знал по опыту — такое настроение перед боем ничего доброго не принесет молодому солдату:

— А ну-ка, Юрий, взгляни назад.

Юра нехотя оглянулся.

В овраге, покрытом кустарником, стояли наши танки. Юра попробовал сосчитать — и не смог: там были де-

сятки машин, и в наступивших сумерках их контуры сливались в одну сплошную серую массу.

Танки стояли безмолвно, неподвижно. Но в этом безмолвии Юра вдруг ощутил грозную силу. Одно слово — и они оживут, загрохочут, ринутся вперед.

— Так, значит, мы не одни? — еще не отдавая отчета в своих мыслях, спросил Юра.

— Мы с ними.

— Мы... с ними? — начиная понимать, взволнованно зашептал Юра. — Танковый десант?

— Полагаю, что так. Не зря же на учебу тонны бензина истратили.

Юра ожил. Теперь он уже не сомневался, он был уверен: их рота будет в десанте. Для чего же другого их так долго держали здесь, в окопах рядом с этими танками?

И когда ночь спустилась на землю, когда забушевал огонь нашей артиллерии и раздалась такая знакомая и такая желанная команда «По танкам!», Юра ничуть не удивился.

Танки мчатся на предельной скорости. Тяжелую машину бросает из стороны в сторону.

Пересекли поле, все изрытое воронками, где еще сегодня утром проходила первая линия немецкой обороны, прорвались сквозь лесок, выжженный снарядами. И вдруг неожиданно круто повернули вправо.

Танки мчатся все дальше и дальше. Снова какой-то лесок. Лужайка. Опять кусты.

И вдруг все оживает. Вспыхивают снопы трассирующих пуль. С визгом проносятся осколки снарядов. Где-то в стороне мелькают тени, очевидно немцы.

Танки открывают огонь. Они утюжат вражеские окопы, давят блиндажи.

Впереди батарея. Не сбавляя хода, не сворачивая, танки идут на нее. Скрежет. Лязг металла. Танк тяжело переваливается, замедляет ход, но через мгновение все так же мерно гудит его мотор.

И вот тут-то резкая боль обжигает плечо. Руки становятся чужими, непослушными, слабыми.

Юра падает...

А танки мчатся попрежнему. Они уже в густой березовой роще.

— Прыгай!

Десантники соскакивают на землю. Машины, не сбавляя хода, рвутся вперед — еще глубже в тыл дивизии Траута...

Зеленюк собирает своих автоматчиков в разрушенной снарядом немецкой землянке. Раздумывать некогда — в бой!

Штурмовая группа начинает громить узлы связи, радиостанции, блиндажи. Десантники находят их по тонким полоскам света, по телефонным проводам.

Бросок противотанковой гранаты, взрыв. Истошный крик раненых, насмерть перепуганных немецких штабников. Кто-то схватился врукопашную.

Но разве можно рассказать о бое в темноте во вражеском тылу, когда каждый кустик таит в себе смерть, когда не разберешь, промелькнувшая тень — друг или враг?..

На рассвете десантники вышли на автомагистраль Москва — Минск. В воздухе пахло дымом и гарью, но небо было прозрачным и чистым. Где-то вдали громы хали орудия. Наступление продолжалось.

Михаил Степанов сделал переключку своего отделения. Он недосчитался многих. Пропал Юра Смирнов: последний раз его видели на опушке березовой рощи, недалеко от немецких штабных блиндажей.

Лишь через несколько дней комсорг полка, старший лейтенант Керим Ахмеджанов принес страшную вест: тело Юры Смирнова нашли в захваченном немецком блиндаже. Юра был распят на кресте.

ПОДВИГ

План нашего командования был мудр и смел.

Траут считает свои позиции неприступными: семнадцать линий траншей, минные поля, проволочные заграждения и к тому же непроходимые Осиновские болота, прикрывающие подступы к магистрали Москва — Минск.

Тем лучше: надо подольше поддержать в нем эту уверенность. Особенно в непроходимости Осиновских болот.

Первый удар должен быть в лоб. Он будет не легок — штурм траутовских позиций.

Ночью — прорыв основной массы танков в тыл Трауту, на его командные узлы. Этот прорыв должен сбить с толку немецкого генерала. А это возможно лишь в том случае, если Траут прежде всего не будет знать направления танкового удара.

Значит, надо бросить танки там, где их абсолютно не ждут немцы. Путь для этого один — Осиновские болота. Форсировать их будет трудно: машинам придется итти по узкоколейкам. Итти на предельной скорости, чтобы немцы не успели обнаружить их. И немедленно же обрушиться на вражеские тылы.

Но одной неожиданности удара мало. Надо, чтобы Траут, как можно дольше не знал силы этого удара.

Ему, конечно, известно, что против его позиции сосредоточено большое количество советских танков. Значит, надо уверить его в том, что в тыл прорвались лишь единичные машины, а основные танковые силы грозят ему с фронта. Для этого достаточно небольшими группами танков, как можно чаще атаковать его с фронта и быстро отходить назад.

Решив, что главная опасность грозит ему от удара в лоб, Траут, усиливая фронтальную оборону, начнет стягивать ближе к себе самоходную артиллерию, оголяя в тылу наиболее опасный участок — автомагистраль Москва — Минск. Вот тогда-то наш прорвавшийся танковый кулак и ударит по самому уязвимому месту «Восточного вала». А когда «вал» будет разрезан на-двое, существование Траута за его семнадцатью линиями траншей окажется бессмысленным. Таков был план нашего командования. Операция прошла так, как была задумана. Траут до последнего момента не разгадал ни силы танкового удара, ни направление его. А когда пресловутый «Восточный вал» был распорот, как мешок по шву, когда наши танки уже ушли на 200 километров к Борисову, Траут решил бежать. Но и это не спасло «железного» генерала: остатки его дивизии во главе с самим Траутом сдались в плен в лесах под Могилевом.

И постепенно из показаний пленных штабных офицеров, из листовок допроса, найденных в блиндаже, становится ясным, отчетливым, зримым героический подвиг Юрия Смирнова...

...В ночь на 25 июня генералу Трауту доносят:

— В тылу дивизии советские танки.

— Чушь! — заявляет генерал. — Это было бы чудом.

А в чудеса я не верю.

Через несколько минут поступают новые донесения:

— Советские танки, прорвавшиеся в тыл, громят узлы связи, дают батареи, крушат блиндажи.

В «чудо» приходится поверить. Генерал приказывает немедленно разузнать, в чем дело. И тут же, вопреки истине и здравому смыслу, доносит в ставку немецкого верховного командования:

«Атаки русских отбиты. 78-я штурмовая дивизия прочно удерживает свои позиции».

Штабники мечутся.

«Где русские танки?.. Откуда прорвались?.. Много ли их?» несутся в эфир вопли, перехваченные нашими радистами.

Донесения разноречивы. Но ясно одно: прорвавшиеся танки сбросили десант автоматчиков; десантники штурмуют штабные блиндажи; размеры десанта неизвестны.

— Выяснить и доложить! — приказывает взбешенный генерал и все с тем же глупым упорством доносит командованию:

«Атаки отбиты. Штурмовая дивизия непоколебима».

Во все стороны высланы разведчики: надо во что бы то ни стало достать «языка».

И вот тут-то немцам случайно улыбается счастье: не-вдалеке от березовой рощи захвачен раненый русский автоматчик. Он явно принадлежит к танковому десанту. И он может дать показания...

Юру сбросила с танковой брони шальная немецкая пуля. Он был ранен и не смог обороняться, немецкие разведчики захватили его...

Юру вводят в немецкий штабной блиндаж.

О, это бесспорная удача: русский молод, у него простое добродушное лицо, к тому же он ранен и, конечно, его можно уговорить... или заставить быть откровенным.

Вначале немцы предупредительны, любезны. Они обещают сохранить ему жизнь, более того: они отправят его в Берлин, они сделают его богатым. Для этого

надо только одно — откровенно, правдиво, подробно ответить:

— Сколько прорвалось танков? Где? Какова цель прорыва?

Юра знает, что в прорыве участвуют очень крупные танковые соединения. Он знает, что они прошли через Осиновские болота.

Но Юра молчит.

Немцы нервничают. Им некогда ждать — дорога каждая минута.

— Молчишь? Мы заставим тебя говорить!

Страшный удар кулаком валит Юру на пол. Немцы наклоняются над ним.

— Ну?

Юра молчит.

Офицер тяжелым кованым сапогом с размаху ударяет в раненое плечо. Нестерпимая, острая боль пронизывает все тело. Мутится рассудок. Все кружится перед глазами: сводчатый потолок, электрическая лампа, лица немцев.

Так вот когда оно пришло — настоящее испытание...

Он один среди врагов. Он не чувствует своим локтем локоть друга. Он раненый, беспомощный, бессильный...

Бессильный? Нет! Он сильнее их. Сколько бы их ни было! Как бы они ни мучили его!

В тот памятный день в лесу он принял воинскую присягу, он дал великую клятву народу своему, Родине, Сталину. И сейчас, здесь, в блиндаже, с ним вместе вся его великая страна, весь советский народ, с ним — Сталин...

— Ничего не скажу, гады! — отдельно и четко раздается в блиндаже.

Немцы бросаются к Юре. Они срывают с него одежду, они бьют его шомполами, колют ножами. И в короткие перерывы задают все те же вопросы:

— Сколько прорвалось танков? Куда они прошли? Зачем?

Юра молчит...

Он не сказал им ни слова. В протоколе допроса, который с бессмысленной немецкой туповатостью вел

писарь и потом, убегая, обронил на пол, под каждым вопросом стояло неизменно одно:

«Er schweigt»¹.

А за семью накатами штабного блиндажа события нарастают с каждой минутой.

Телефон сообщает:

«Русские танки подходят к автомагистрали Москва — Минск... Танки на шоссе... Генерал-лейтенант Траут приказывает быть готовыми к отходу...»

Немцы жгут документы, рвут карты, разбирают уже давно смолкнувшую радиостанцию.

Все готово к бегству. Но как быть с этим упрямым русским? Он должен умереть. И в звериной злобе они придумывают ему страшную казнь.

Писарь приносит крестовину, сколоченную из досок. Офицер ржавыми гвоздями распинает юношу.

Юра висит на кресте бледный, с крупными каплями пота на лбу. Кровь медленно стекает по изуродованному, исполосованному телу.

Кто скажет, какие видения приходят к нему в эти последние минуты? Быть может, он видит мать, склонившуюся над ним. Или пришел к нему в блиндаж дядя Сеня, обнял за плечи и говорит: «Если все же придется умереть, сынок, умри так, чтобы смертью своей вырвать у врага победу».

* * *

Весть о великом подвиге быстро разносится по фронту. Она передается из полка в полк, из дивизии в дивизию. Радио разносит по всей стране рассказ о советском юноше из Макарьева, о комсомольце, гвардейце. И, будто переключаясь друг с другом, сотни, тысячи людей благодарными делами своими славят Юру Смирнова.

Однополчане, как знамя, грозно проносят память о Юре от Осиновских болот Белоруссии до Кенигсберга.

Трое молодых бойцов-узбеков, уезжая на фронт, пишут на родном языке клятвенные слова:

«За смерть Юрия Смирнова истребим врагов».

¹ „Он молчит“.

Советская девушка Марина Грезова, комсорг одного из цехов авиационного завода, где директор инженер-полковник Журавлев возглавляет порыв комсомольцев сверхсрочно построить звено истребителей. И скоро над полями войны проносятся красноезвездные «ястребки», на их фюзеляжах — надписи:

«Месть фашистам за Юрия Смирнова».

Мать героя, Мария Федоровна получает десятки писем со всех концов советской страны.

«Я пожилой человек, — пишет ей сельский учитель из далекой Якутии, — и не привык бросать слова на ветер. Я не знал этого юноши, но вижу его сейчас перед глазами, будто он сын мой и будто его, сына моего, распяли немцы. И я клянусь седыми волосами своими: я выращу сотни знающих, честных советских людей и славными делами их, любовью их к отчизне отомщу врагу».

* * *

На фасаде школы, где учился Юра, сейчас красуется надпись:

«Макарьевское ремесленное училище имени Героя Советского Союза Юрия Смирнова».

Каждый год из дверей этого училища на юг и на север, на восток и на запад уезжают его питомцы, чтобы строить машины, воздвигать города, разгадывать тайны природы. И с каждым годом все краше, все ярче расцветает жизнь молодой страны. Ибо можно сжечь город, вырубить сад, вытоптать пшеницу, отравить в «душгубках» детей, распять Юрия Смирнова, но молодости нашей советской страны убить нельзя. Наша молодость бессмертна. Это юность мира, это будущее человечества.

Редактор *Р. М. Воронова*
Технический редактор *Е. Н. Слепцова*
Корректор *Л. А. Горячева*

Г 78046. Подписано к печати 28.1.48. Объем 2 п. л.
1,5 уч.-изд. л. В 1 печ. л. 34 000 тип. зн. Изд. № 1/2103. Зак. 42

Набрано и матрицировано в 1-й типографии Управления
Военного Издательства МВС СССР имени С. К. Тимошенко

Отпечатано в 3-й типографии МВС СССР

2307

Цена 30 коп.